

От редакции. Автор этого очерка в своём письме напомнил нам о том, что тридцать лет назад произошло событие, названное политиками **денонсацией Союзного договора**. Союз Советских Социалистических республик перестал тогда существовать как государство.

В публикации «Погреб» подробно рассказывается о том, как переживали времена горбачёвской «перестройки» жители посёлка Кольцово Новосибирской области, где силами учёных, инженеров, рабочих создавался научный центр «Вектор», спасающий ныне Россию от коронавирусной напасти.

— Подскажите мне, пожалуйста, где зимой хранить картошку?! — Я в упор смотрел на сидевших за длинным столом членов административной комиссии нашего поселкового совета.

В ответ — тишина. И не просто тишина — удручённое, гнетущее безмолвие. Даже поднять глаза на меня никто не осмеливался, настолько я был убедителен в незамысловатой житейской правоте поставленного ребром вопроса...

Эта любопытная и знаковая история произошла в августе-сентябре 1987 года, в самый канун юбилейных торжеств. Подумать только: Великому Октябрю — 70 лет! Новейшей истории мира, самому прогрессивному строю, новому передовому бесклассовому обществу, лишённому антагонистических противоречий — уже целых семь победных десятилетий! А на дворе после «застоя» — торжество новой стратегии «обновления социализма, Перестройки, Гласности и Ускорения». Вся советская страна, всё прогрессивное человечество готовилось широко отпраздновать славную веху мировой истории! Ура, товарищи!

Но... вот незадача: накануне бесследно исчез секретарь парткома нашего Научно-производственного объединения (НПО) «Вектор» Осинников (*фамилия изменена*). Я его почти не знал, но регулярно видел на торжественных заседаниях трудового коллектива, непременно в президиуме, сталкивался с ним в коридорах административного корпуса «Вектора». Приятен внешне, не старше сорока, в неизменной костюмно-галстучной номенклатурной «униформе». Типичный освобождённый партийный функционер Осинников, безусловно, имел безупречную характеристику, «чистое» личное дело, нужные рекомендации и прочее-прочее. И по-другому тогда быть не могло, учитывая режимный статус организации, где ему выпала нелёгкая и ответственная доля парторга.

Двумя годами раньше мы вдвоём с беременной женой Светланой, оба молодые специалисты с годичным трудовым стажем, приходили на приём к руководству по личным вопросам. Вопрос был один, самый животрепещущий: жильё. Рассматривала вопрос «тройка» в составе генерального директора «Вектор» академика Льва Сандахчиева (в то время члена-корреспондента АН СССР), его заместителя по быту Павла Белозёрова и нашего уважаемого партийного «босса». Пределом наших с супругой мечтаний была отдельная комната в общежитии, где мы к тому времени и проживали — на своём койко-месте каждый. Пред ясны очи «тройки» нам по записи предстояло заходить первыми. Мы, волнуясь, пришли раньше начала заседания. Пораньше прибыл и Осинников. Завидев нас, он подошёл, и, скользнув масляными глазами по фигурке моей Светланы, осведомился: «Молодая семья?» И очаровательно улыбнулся.

Не помню уже, какие мы тогда приводили аргументы — думается, «тройка» и так знала их наизусть, но главные козыри на руках у нас имелись: характеристики на каждого с обязательной формулировкой-штампом: «В коллективе пользуется уважением, политически грамотен, морально устойчив, в быту скромен», а также ходатайства трудовых коллективов и комитета комсомола. Благотетели пообещали нам содействие в выделении отдельной «ячейки».

Комнатку в итоге дали. Жена к тому времени успела выйти в декретный отпуск. Но и помотать нервы пришлось, не без этого! Не забыть, как на повышенных тонах, сжав кулаки, пришлось мне толковать с замом по быту Белозёровым. Но главное — результат. Мы были счастливы! Была ли в этом личная заслуга парторга, не ведаем, но мы решили — была.

И вот почти через два года Осинников бесследно пропал...

* * *

К славному юбилею Октября мы с женой тоже подготовили подарок: на свет божий вот-вот должен был появиться ещё один «строитель коммунизма». Первой была дочка Люсенька в возрасте одного года и восьми месяцев. Специально к праздничной дате мы не подгадывали — так получилось. Но к рождению второго ребёнка, умудрённые опытом первенца, подготовились основательно. Комнатку метражом в целых восемнадцать квадратов обжили, «джентльменский» набор советского человека (холодильник, черно-белый телевизор, стиральную машину) заимели — живи-радуйся!

Общага наша имела свои плюсы и минусы. Главный плюс: высоченные, в три с половиной метра потолки, благодаря чему комната выглядела очень просторной, светлой — окна были соразмерны высоте помещения, в новом жилище легко дышалось. Привилегия высоких потолков досталась от прошлого. Два стоящих друг подле друга четырехэтажных здания общежитий должны были служить казармами с двухъярусными койками для солдат стройбата. Жители общаг, кто порукастей, даже умудрялись сооружать вторые этажи внутри комнат.

Первоначально планировалось, что корпуса нашего НПО и жилой посёлок для его сотрудников будут возводить военные строители. Но «наверху» переиграли — в результате и то, и другое строили заключённые. А казармы превратились в общежития.

Каждый день из городской тюрьмы прибывала колонна из двадцати трёхосных бортовых «ЗИЛков» с железными будками в кузовах и конвоем из двух солдат на каждую машину. Конвоиры сидели на приступках у заднего борта, зажав между колен автоматы. «Зековозки», всегда с включёнными фарами, на довольно

большой скорости пронеслись по дороге. Будки имели зарешёченные проёмы — я всегда с грустью смотрел на скрюченные пальцы, вцепившиеся в толстые прутья решёток.

Заключённые, облачённые в чёрные робы, сапоги и круглые кепки с козырьком, работали за высоким забором с колючей проволокой и со сторожевыми вышками по периметру. Каждый час происходила смена часовых, вооружённых «калашниковыми». Очень оживляли неспешную жизнь строительной зоны родственники, кореша, подруги и жёны зеков, приходивших под забор на несанкционированные свидания. Они перебрасывали через забор, раскрутив, словно пращу, пачки папирос и чая. Солдаты их гоняли, но как-то не сильно активно: видимо, существовал негласный уговор с зеками, что куревом и чифиром всё ограничится.

Как-то около меня шлёпнулся камешек, завёрнутый в бумагу. Поднял голову: зек с крыши строящегося дома зна́ком показывал: подними! Внутри оказались записка и пятирублевая купюра. В записке просьба: «Помогите, пожалуйста, единственному греку в Сибири, пошлите телеграмму по этому адресу», и дальше текст с признанием в любви какой-то женщине — написано довольно возвышенно и грамотно. При оформлении на почте знакомая телеграфистка удивлённо посматривала на меня, пришлось объяснить. Денег на телеграмму ушло около двух рублей, остальное пришлось взять в качестве вознаграждения.

Словом, мои детишки росли, впитав «с молоком матери», что забор — значит зона, а зона — значит зеки. Однажды, гостя у родителей в Казани, полуторогодовалый сынок, играя, забегал за какой-то забор. Сестрёнка, сама ненамного старше его, увидев, истошно закричала: «Славик, ты куда побежал?! Там зеки-зеки!» Прохожие аж остановились, недоуменно разглядывая моих детей.

На ночь охрану со стройзон снимали. Рассказывали, что в это время внутрь пробирались женщины лёгкого поведения — зеки их оберегали, кормили, обхаживали, да и за услуги платили, разумеется.

Обитали на зоне и кошки с собаками. Заключённые о них заботились. Мне довелось наблюдать, как сиделец кормит щенка и при этом материт его. Столько тепла и ласки вкладывал он в каждое матерное слово!

А ещё среди зеков были мастера с золотыми руками. В посёлке процветала негласная торговля их поделками — наверное, в каждой семье имелась хоть одна красиво вырезанная из дерева и красочно оформленная разделочная кухонная доска. Но и на стройке они работали, надо сказать, довольно качественно. Правда, вполне могли оставить «сюрприз»: например, заварить и закрасить, непременно между перекрытиями, лом вместо трубы отопления, замуровать в стенку дохлую кошку или крысу для «аромата» или залить в канализацию ведёрко цементного раствора. На память.

Так или иначе, успели спроектировать и построить небольшой военный городок — несостоявшуюся воинскую часть стройбата. Даже название осталось — «ВСО» (военно-строительный отряд). Позже переименовали в «АБК» — административно-бытовой комплекс, но многие по привычке говорили «ВСО». Здания приспособили под общежития, а одну казарму — под больницу.

Армейский клуб превратился в дом культуры — там проводили собрания, крутили кино, работали кружки. Однажды совершенно непостижимым образом в наш забытый богом ДК занесло легендарного Вячеслава Бутусова с его невероятно популярным в те годы «Наутилусом Помпилиусом». Нам со Светой с большим трудом удалось попасть на тот незабываемый концерт.

Ангáры для техники стали складами, ДОС (дом офицерского состава) и другие здания — административными корпусами, на месте незаасфальтированного

плаца разбили сквер с ёлочками. Для обитателей общаг ещё одним большим плюсом стало использование по прямому назначению военной медсанчасти — под поликлинику.

Вот так, в чистом в поле, километрах в тридцати от Новосибирска и в восемнадцати от Академгородка, по соседству с небольшой деревней Двуречье (в народе чаще говорили «Кирзавод») и возник наш маленький своеобразный околоток — АБК. С одной стороны — сосновый лес, с другой, в сторону «Вектора» — засеянное овсом вперемежку с горохом поле, в сторону Кольцова — пустырь, поросший душистым луговым разнотравьем. Место почти санаторное. Зимой между зданиями — густая сеть заячьих, а иногда и лисьих, следов, летом и осенью — почти под окнами грибы.

Административно АБК относился к Кольцову, имевшему статус «рабочего посёлка». До Кольцова два километра, пешком минут 25–30, в зависимости от погоды и времени года. На своих двоих было надёжнее, ибо автобусы ходили редко. Да и сбои в графике движения случались, что стало главным минусом проживания в общаге на АБК, ибо единственный магазин находился в Кольцове.

* * *

Та пора была временем царствования Его Величества Дефицита. Жратвы в стране хронически не хватало, поэтому всем выдавались талоны для нормированного отоваривания (за деньги) некоторых особо дефицитных продуктов. Талоны выдавались ежемесячно по месту жительства, в общаге их раздачей заведовала комендантша. И если сливочное масло всегда было одинаковым, то мясопродукты (килограмм мяса или полкилограмма колбасных изделий на человека в месяц) сильно различались по ассортименту. Вождеденное «кило» могли отоварить как в виде постной мясной вырезки, так и в виде супового набора (кости со следами мяса постоянно имелись в наличии, бери — не хочу). То же самое по колбасе: либо «полкило» условного субпродукта розового цвета с подобием запаха в прозрачной полимерной оболочке по два-двадцать, либо дефицитный полукопчёный сервилатик. На что нарвёшься, как повезёт...

Везло тем, у кого в семье были неработающие или пенсионеры. С открытия магазина в нём постоянно дежурили люди в ожидании дефицита, который, как тогда выражались, «выкидывали», то есть выставляли на продажу. Со временем возникло некое подобие клуба общения пожилых людей из числа дежуривших. Отопительные батареи вдоль длинного окна магазина были взяты в деревянный короб, очень удобный для сидения. Когда моя мама приезжала к нам, она тоже там дежурила в ожидании заветного дефицита, подружившись со многими завсегдатаями. Моим родителям удавалось по нескольку раз в год приезжать в командировки в Новосибирск и подкидывать нам продуктов, поскольку в Казани снабжение было получше, чем у нас, к тому же папа частенько затаривался в Москве. Это было хорошим подспорьем.

Но каково было работающим? Нам зачастую доставались только рожки да ножки, в прямом смысле слова. Впрочем, иногда можно было перехватить у деревенских домашнее молоко или картошку, но втридорога.

Торговые работники имели немалый вес в обществе, все с ними старались дружить. Директором кольцовского магазина работал всеми уважаемый Сан Саныч — представительный, преисполненный чувства собственной значимости молодой мужчина средних лет. Докторам наук, работникам режимных спецотделов, научным сотрудникам с воинскими званиями (мы их звали «золотопогонниками»), а также

охранявшим «Вектор» прапорщикам полагались спецпайки. Нам же, простым «труженикам науки» — только бесплатные талоны на молоко за вредность по поллитра в день.

Молоко в магазине тоже не всегда имелось в продаже, не говоря уже про творог. А ведь моей благоверной пришлось сходить из декрета в декрет. Нашего литра не хватало (а после ухода в декретный отпуск молочные служебные талоны ей, как неработающей, вообще не полагались), поскольку большую часть молока мы сквашивали и пускали на творожок — над умывальником в комнате всегда висел капающий сывороткой мешочек. Выручали сотрудники моего отдела, которым было лень или недосуг отоваривать в служебном буфете свои молочные талоны. Но и туда полагавшегося по закону молока привозили недостаточно! Я скооперировался с одним сотрудником — мы по очереди занимали место друг для друга возле двери перед открытием буфета в обеденный перерыв. Влетев в первых рядах, мы сразу же хватали ящик, отбегали с ним в сторонку и меняли принесённые пустые бутылки на полные. В ящике, как сейчас помню, было двенадцать пол-литровых бутылок — по три литра ценного напитка на брата. И каждый день я шёл на работу под весёлый перезвон пустой тары.

Отдельная тема — спирт! Специфика нашего учреждения такова, что его для работы требовалось не просто много, а очень много: для дезинфекции и микробиологических горелок. Причём спирт, хоть и не медицинский, был очень чистым и хорошего качества. В Кольцове «це-два-аш-пять-о-аш» служил универсальной валютой, что было очень актуально в свете принятого в 1985 году «сухого закона» имени Горбачёва.

Да-а-а... Спиртовой бартер был особым видом «творчества». На него менялось всё, что можно, благодаря ему возводились личные гаражи и дачи. Гаражный кооператив, что за Кольцово на взгорье, даже в шутку предлагали назвать «Спиртовым». Позже рядом с гаражным возник погребной кооператив «Репка» (капитальные погреба с кирпичной надстройкой), который, по идее, тоже можно было бы назвать «Спиртовый-2».

Но сперва «жидкую валюту» требовалось вынести с промзоны. На проходных ручную кладь шмонали бдительные прапорщики, поэтому ёмкость со спиртом, как правило, прятали на себе. Очень удобным для проноса был плоский узкогорлый стеклянный микробиологический матрас с чёрной резиновой пробкой — даже если жидкость внутри него булькала, запах не просачивался. Но тара могла в самый неподходящий момент выскользнуть из-под одежды, а однажды, уже в автобусе, у одного товарища ёмкость, плохо закреплённая на поясе, перевернулась, пробка выскочила... Запашок пошёл!.. Бедняга с пунцовым лицом замер, боясь пошевелиться — драгоценная жидкость, обильно смочив пузо и промежность, потекла по ногам. Поднеси спичку — вспыхнул бы, к чертям, как факел!

Один сотрудник как-то поделился со мной своим ноу-хау выноса спирта. Он наливал его в... двойной презерватив. «Резино-техническое изделие номер два», как тогда деликатно именовали контрацептивы советского производства, было достаточно прочным и эластичным, спирта входило много. Потом добро помещалось в сапог — мягкая ёмкость удобно облегла ногу в широком голенище. Мне, слава Богу, воспользоваться этой технологией не довелось.

На выловленных на вахте несунув спирта составляли протокол, «славили», лишали премиальных. В случае рецидива можно было нарваться на штраф или слететь вниз в очередном списке на жильё или детский садик. Но спалившихся почти не было. Почему? Если человек попадался, нужно было всего лишь уйти в глухую

«несознанку», мол, что это за предмет, откуда он взялся, ума не приложу: «Товарищ прапорщик, в первый раз вижу! Чесслово!» Понятливые прапора схватывали ситуацию мгновенно, поэтому и среди бдительных охранников нашего славного НПО спиртец водился всегда. А уж у начальников проблем с выносом спирта не возникало вообще: в их пропусках стояла специальная отметка, запрещающая проверку их портфелей. По моим приблизительным прикидкам, всего спирта выносилось от 30 до 50 (в особо трудные годы) процентов. Наносился ли этим большой материальный ущерб? Не думаю, ведь спирт стоил копейки. Зато все были довольны.

Таскал ли спирт я сам? Каюсь, грешен. Летом меняли его на фрукты-ягоды для детей, зимой — на мясо: частники подвозили, предлагая большими частями, а то и полутушами. Мясо хранили на балконах, и если весна случалась ранней, звонкая капель вдоль домов нередко была красноватого цвета. Некоторые на балконах завозили даже цыплят да курочек. А уж садовая рассада по весне колосилась вообще на каждом втором балконе.

Пару раз я со товарищи совершал неблизкий вояж в клюквенное царство — затерянный среди таёжных томских болот колоритный посёлок Сэйга с деревянными настилами вместо тротуаров и гаражами из брёвен. Дело было в самый разгар «борьбы за трезвость». Местные жители меняли ведро клюквы на бутылку водки, которую в той глухомани не достать было вообще, зато клюквы, как грязи. В городе же ягода стоила весьма недёшево. Мне удавалось два литра чистого спирта обменять на четыре ведра клюквы. Однако местные к нашему продукту относились с недоверием: а не разбодяжено ли? Отвечали: за чистоту спирта ручаемся, если что — грызла нам начистите: до вечернего тепловоза с тремя вагонами мы всё равно никуда не денемся.

Клюквы хватало на всю зиму — хранится она прекрасно. Ещё и на клюковку оставалось. Что за клюковка? Это прекрасный ликёр из ягод, спирта и глицерина. Тогда, после памятного апрельского пленума ЦК КПСС 1985 года, давшего старт антиалкогольной кампании, в период тотального отсутствия спиртного, массового выкорчёвывания ценнейших сортовых виноградников и попыток власти навязать народу новую традицию проведения «безалкогольных» свадеб, все заделались заправскими виноделами. У каждого имелись свои фирменные рецепты, но никто не жадничал, щедро делясь ими. Самое простое — сбразивание фруктовых морсов и соков с сахаром, который тогда ещё не числился в дефиците. У многих в комнатах общежития стояли 20-литровые бутылки с бухтящей жидкостью. На горлышко надевалась медицинская перчатка. Когда она наполнялась бродильным газом и раздувалась, принимая форму поднятой ладони (это называлось «привет Горбачёву»), — вино готово.

Мучила ли меня совесть за спирт, украденный с работы? Тогда — немножко да: срабатывал рудимент сознательности советского человека. Сейчас — да полноте! Государство, начиная со второй половины восьмидесятых годов, уж в какие только игры с нами не играло! Когда родилась дочка, я открыл страховой вклад под названием «Совершеннолетний», отрывая от своей зарплаты, на которую фактически и жили, по 10 рублей (тогда это были нормальные деньги). Рассчитывали, что к совершеннолетию Люсеньки накопится больше двух тысяч рублей — купим ей хорошую шубу! И действительно за несколько лет набежала немалая сумма. Какова дальнейшая судьба вклада, думаю, вы уже догадались — его не стало, деньги никто не вернул.

М-да, сколько сил и времени почти ежедневно затрачивалось на то, чтоб приобрести (чаще говорили «достать») элементарно необходимое! Тотальный «совковый» дефицит, блат, «распределитовка» и всепроникающие запреты шаг за шагом разъедали устои провозглашённой монолитной «новой исторической общности советского народа» не хуже классовых противоречий. Но тогда, в самый разгар перестройки,

в преддверии 70-летия Великой Октябрьской социалистической революции официальные власти якобы не сомневались, что «Мы придём к победе коммунистического труда!» Хотя что за хреновина «коммунистический труд» не ведал никто.

* * *

Казармы, после перестройки их в общежития, сдали в эксплуатацию в начале 1984 года. Поначалу там селили на койко-места (по три человека в комнату), главным образом, несемейных сотрудников, в том числе, и нас, молодых специалистов, выпускников ВУЗов.

Учитывая биотехнологический профиль НПО «Вектор», мы, вчерашние студенты, прибывали, в большинстве своём, после учёбы на естественных факультетах университетов (Казанского, Томского, Ленинградского, Московского, Красноярского, Алтайского) и в медицинских институтах (Омского, Иркутского, Новосибирского). Головной организацией нашего объединения был Всесоюзный НИИ молекулярной биологии (ВНИИ МБ), куда я получил государственное распределение на должность стажёра-исследователя.

Но самые большие «диаспоры» были из Новосибирского госуниверситета и Томского мединститута. Они слегка соперничали друг с другом. Сначала заместителем директора по науке ВНИИ МБ был Николай Борисович Чёрный — выпускник томского меда, потому и многими подразделениями руководили его собратья по альма-матер. Мой кореш Саня Твердохлебов, тоже томский выпускник-медик, несколько пафосно констатировал: «Томская школа! Томская мафия!» Но потом новосибирские университетчики стали теснить томичей, особенно, когда пост зама по науке занял Сергей Викторович Нетёсов, выпускник НГУ, в скором будущем один из руководителей моей диссертации.

Новосибирский Академгородок находился относительно недалеко от нас, и единственный в то время автобусный маршрут № 119 связывал Кольцово именно с ним. «Академ!» Для нас это слово звучало магически. Жить в Академе и работать в тамошних научно-исследовательских институтах было очень престижно, поскольку Академгородок творил науку на уровне высших мировых стандартов. Но с жильём для молодёжи там было очень туго, в отличие от активно строившегося Кольцова. Да и надбавка на «Векторе» за режим полагалась в размере 25% от оклада (у меня, в своё время, была вторая форма допуска секретности), а работавшим с ООИ (особо опасными инфекциями) — ещё и отпуск до 48 рабочих дней. Советский Союз на развитие науки, особенно «секретной», не скупился.

И в социально-культурном плане, и по уровню благоустройства Академгородок был для Кольцова абсолютным примером. «Как в Академе» — это сравнение служило комплиментом, «академовцы» казались нам небожителями. К тому же сам ВНИИ МБ, учреждённый в 1974 году, являлся, фактически, детищем Института биоорганической химии Сибирского отделения Академии наук (СО АН) СССР. Многие ветераны нашего института той поры ещё долго считали себя «академовцами», хотя уже проживали в Кольцове. Наверху было принято решение перевести ВНИИ МБ из системы Академии наук в Министерство медицинской и микробиологической промышленности и создать на его базе НПО «Вектор», сменив статус института с академического на отраслевой, прикладной. Выделялись большие средства на строительство научно-производственной базы и жилого посёлка. Первым директором «Вектора» стал Лев Степанович Сандахчиев, его имя сегодня носит центральный проспект Кольцова.

Первые две типовые панельные девятиэтажки будущего посёлка, который ещё не имел названия, встали посреди чистого поля рядом с лесом в 1978 году. Народ кликал этот непонятный населённый пункт «Патрикеевкой», по фамилии начальника строительства Патрикеева. «Патрикеевку» поначалу передали в ведение Барышевского сельсовета. Социальной инфраструктуры — почти никакой, с транспортным сообщением глухо. Поэтому переселялись из уютного, обжитого, аристократического Академгородка, даже если жили там в общежитии, пусть и в квартиры, но на «целину», со скрипом. Особенно если дети учились ранее в элитной школе, а их приходилось переводиться в сельскую, поскольку своей школы ещё не было. Особо упорствующих даже переселяли с помощью милиции: извольте, товарищ, освободить комнату в общежитии и вселиться в свою квартиру! Тем не менее, посёлок стал потихоньку обживаться и развиваться. Как говаривал впоследствии Горбачёв, «процесс пошёл». Между прочим, немногочисленные первопроходцы Кольцова, которых я знаю, сейчас вспоминают ту пору со слезой умиления и ностальгии — насколько всё-таки причудливо устроена человеческая психика.

Годом позже возник местный совет депутатов, поэтому 1979 год стал датой основания посёлка, получившего своё название в честь видного генетика Кольцова Н. К. К моменту моего приезда сюда по распределению осенью 1984 года, в посёлке было уже семь девятиэтажек, две пятиэтажки, школа, детский сад, стадион, а численность населения перевалила за три тысячи человек. И почти четверть из них проживала в общежитиях на АБК.

Выпускников НГУ отличало некоторое высокомерие и самомнение, свой ВУЗ они считали одним из самых элитных в стране. Впрочем, имели на это основания: уровень их образовательной подготовки был весьма высок. Не в обиду моей альма-матер будет сказано, но сравнивая уровни выпускников биофака Казанского и факультета естественных наук Новосибирского университетов, должен признать: последние были сильнее качеством знаний и пониманием современной биологии. Кое-кто из них безапелляционно заявлял: «генные инженеры — это элита, все остальные — „ботаники».

Исторически первый научный центр за Уралом возник в конце XIX века в Томске, бывшем в то время центром Сибирской губернии. Там же был учреждён и первый в азиатской части Российской Империи университет. Но основанный в 50-х годах прошлого века Новосибирский научный центр — Академический городок — довольно быстро забрал пальму первенства сибирской науки себе. Томская академическая школа к тому времени успела чуть подёрнуться плёнкой консерватизма или, как сейчас говорят, «забронзоветь». В противоположность этому, молодые неугомонные «бузотёры» от науки, будущие доктора и академики, слетевшиеся в Новосибирский Академгородок со всей страны, в том числе, и из самого Томска, обладали энтузиазмом первопроходцев. И именно этот первотолчок, какой-то живой импульс чувствовался в выпускниках НГУ — они были энергичней, инициативней других. Учёные советы институтов Академгородка были высокопрофессиональны и требовательны, защититься именно здесь считалось очень престижно. «Вектор» тоже имел свой совет, но он назывался «научно-техническим». Впрочем, «бодаловка» о том, какая научная школа — томская или новосибирская — сильнее, идёт до сих пор, дай Бог им обоим процветания и взаимной поддержки.

* * *

Но на наших личных отношениях факт, кто откуда, никак не отражался. Мы, общежитская братия АБК, жили дружно. Всё-таки большое значение имеет равный

уровень интеллекта и культуры. Представители рабочих профессий тоже жили с нами в общаге, иногда в одной комнате, но и в общении с ними проблем не возникало.

Стоит отметить, что из-за режима секретности на «Вектор» тогда не принимали сотрудников с еврейскими фамилиями. Это казалось странным, поскольку совсем рядом, в Академе, с большой пользой для советской и мировой науки всюду пульсировал мощный русско-еврейский интеллект. Правда, несколько знакомых сотрудников «Вектора» внешне смахивали на детей Земли Обетованной, а один из них, сосед по этажу, даже произносил звук «р» несколько похожим на звук «г». Позже, по секрету, он признался мне, что считает себя евреем, хоть и имел русское «фио». Про таких тогда в шутку говорили: «еврей со знаком качества».

Я приехал по распределению и заселился в общагу одним из последних, опоздав почти на полтора месяца: никак не мог проститься с друзьями и родственниками. Ничего, простили. Лишь начальник военно-учётного стола полковник в отставке Шуляк грозно спросил: «Разве Вы не знаете, что говорил о необходимости соблюдения трудовой дисциплины на последнем пленуме ЦК КПСС Константин Устинович Черненко?» Я пожал плечами и промолчал.

Осенью того же года отмечался первый круглый юбилей ВНИИ МБ, и я сразу попал, как говорится, «с корабля на бал» — пригласили принять участие в юбилейном концерте, я согласился. Помнится, пели со сцены ДК на мотив песни «Синяя птица» Макаревича стихи будущего мэра, но тогда ещё просто комсомольского вожака Коли Красникова:

*Мы в такие забрались дали,
Что не очень-то и найдёшь,
Мы окрестности все вспахали,
Невзирая на снег и дождь...*

Воспевание необходимости постоянного преодоления трудностей, их значение и важность для формирования личности и закалки характера служили в то время частью государственной идеологической политики в деле воспитания советского народа. Недаром пелось, «меня моё сердце в тревожную даль зовёт...». Хотя я, «европеец», никогда ранее за Уралом не бывавший, сразу отметил врождённую терпеливость, невозмутимость, морозостойкость и даже некоторую неприхотливость сибиряков. В Татарстане, откуда я родом, народ более экспрессивен.

Ещё одной особенностью Кольцова было заметное превышение женского населения над мужским, в силу специфики «Вектора». Поэтому мы, мужики, были избалованы женским вниманием, даже я, никогда особо не пользовавшийся успехом у девчонок. А что? Образование получено, трудоустройство состоялось, зарплаты хорошие, жильё строят активно. Самое время заводить семью. А мужиков не хватает...

Отношение ко мне ещё более улучшилось, когда я, взяв «шефство» над несколькими женскими комнатами, собирал у их обитательниц продуктовые талоны и ходил отоваривать их в магазин Сан Саныча, прихватив большой туристский рюкзак. Помимо чисто человеческой заботы, мною двигал ещё и меркантильный интерес: глядишь, в знак благодарности, ужином накормят. Общага, как-никак! Но девчонки — народ интересный: они сразу же начинали вычислять, а к кому это он, интересно, ходит? По результатам «вычислений», в каждой из комнат меня, со временем, стала привечать уже кто-то одна, типа, моя. Даже ревновали, узнав, что я захаживаю куда-то ещё.

Возникла при этом небольшая проблемка: я забывал, что и в какой комнате успел рассказать. Любитель «поездить по ушам», я был напичкан самыми разными

интересными, как мне представлялось, историями. И девчонки всегда казались такими благодарными слушательницами! Но только после женитьбы супруга призналась: мол, знаешь, дорогой, я эту историю от тебя уже слышала раза два или три, когда ты по разным комнатам «женихаться» ходил. Почему же, спрашиваю, никто не прерывал? Ответ искренне умилил своей заботливостью и дальновидностью: «Ну, как прервёшь? Ты ведь мог обидеться...»

Особенно ценной помощь в отоваривании талонов оказалась в суровую зиму с 84-го на 85-й год: весь декабрь температура колебалась между тридцатью и сорока градусами мороза. Я тогда, по дурусти, как-то попёрся на лыжах в леса, отморозив нос и щёки до черноты. Но ничего, облезло и зажило, как на собаке. В ту зиму только и оставалось, что ходить друг к другу в гости. Результат не преминул сказаться уже совсем скоро: только с одного нашего этажа общежития — шесть супружеских пар! В том числе, и мы со Светой — «прикормили»-таки меня в одной из комнат! Хотя она, выпускница Иркутского мединститута, как-то сразу приглянулась мне больше всех. С обитательницами других «подшефных» женских комнат пришлось распрощаться.

Старт свадебной «кампании» дал сосед через стенку Женя Коновалов, тоже молодой специалист, женившись на моей землячке-однокурснице, тоже по имени Света...

И вот, где-то ближе к концу 85-го года и далее, один за другим стали появляться на свет божий общежитские первенцы. Отношения между нами, посерьёзневшими молодыми специалистами, дружно ставшими отцами, ещё более окрепли. В общежитии коридорного типа все на виду. Заскочить к кому-то в гости, стрельнуть луковицу или яичко, присмотреть за чьими-то детишками было в порядке вещей — двери в комнаты не запирались. Молодые мамы делились сценным грудным молочком с соседками, если их подростки детишкам не хватало своего.

А вечерами мы, молодые отцы, чтоб не мешать процессу засыпания детей, нередко собирались на кухне этажа, которой толком никто не пользовался. Удобней было готовить на электроплитках в своих комнатах, приглядывая за детьми, а не бегать туда-сюда с кастрюлями по этажу. Конечно, пожарные инспектора были очень недовольны: разок даже случился небольшой пожар в одной из комнат, но что поделаешь, жизнь диктует свои правила. Кухонными электроплитами пользовались редко — только если что-то испечь или бельё прокипятить, к тому же, больше половины из них не работали. Позже кухню вообще упразднили за ненадобностью, превратив её в большую жилую комнату.

Но пока нам было где собраться, пообщаться. Обсуждали различные житейские вопросы. А когда показывали футбол, кто-то выносил телевизор, и все дружно болели за наших, стараясь громко не кричать. Особенно запомнился мне чемпионат мира 1986 года с незабываемым бесподобным Диего Марадоной. С лёгкой руки Сани Крендельщикова, родившегося и выросшего в Узбекистане, наша общинка стала именоваться «махалля» (с узбекского, форма близкого объединения соседей квартала). Я и сейчас, при встрече со своими бывшими соседями по „махалле“, чувствую, как теплеет в груди, но... как пел Визбор, „как-то все разбрелись...“, да и детки наши уже давно выросли.

И, конечно же, все мы мечтали, как однажды получим собственные квартиры! Строительство в Кольцово велось ударными темпами, дома росли, как грибы после дождя. Ещё при трудоустройстве на «Вектор», который тоже развивался вместе с посёлком, нам пообещали, что лет через 6–7 «хаты» мы получим гарантированно, поэтому очередь в отдел кадров на приём на работу была всегда, желающих хватало с избытком.

Вскоре в наших общагах на АБК началась вторая «кампания» по деторождению, правда, уже не столь синхронно, как первая. Иметь двух детей считалось нормой, многие заводили третьего, а кое-кто и четвёртого ребёнка. Разводов почти не было. Некоторые мои знакомые, например, в Казани, довольно быстро поразводились из-за того, например, что при банальной ссоре разбегались по папочкам-мамочкам. А тут никуда не денешься: общага! Приходилось договариваться, искать согласие, идти на компромиссы. На первую годовщину дочери и мы с супругой решили на второго ребёнка. Словом, рождаемость и демографическая ситуация в Кольцове оказалась такой, что вскоре был построен второй детский садик, заложены ещё одна школа и садик, проектировался четвёртый.

В вестибюле каждого корпуса института время от времени вывешивали на всеобщее обозрение святая святых — списки очередников на получение жилья. Списки регулярно обновлялись, и ты, испытывая сладостное чувство, мог собственными глазами убедиться, как твоя фамилия в нём неуклонно поднималась всё выше и выше.

Списков было несколько: внеочередников, льготников и обычный. Льготами пользовались «афганцы» (ребята, прошедшие срочную военную службу в Афганистане), «чернобыльцы» (ликвидаторы аварии на Чернобыльской АЭС), многодетные семьи (три и более ребёнка) и матери-одиночки (в списке указывалось «м/о»). Некоторые девчонки хитрили: рожали, якобы без официального мужа, хотя фактический имелся. Лишь бы, имея желанный статус «м/о», получить жильё и уже потом узаконить брак. Гражданские браки тогда не имели широкого распространения, но и «фактический» муж вынужден был маскироваться: все друг про друга знали, могли «стукнуть», куда следует, и заветные «буковки» обломатся. Свары из-за места в очереди случались постоянно. Инженер по учёту и распределению жилой площади Надежда Шумская была одним из самых уважаемых сотрудников — ей регулярно приходилось разбираться с аргументами очередников, почему тот или иной из них должен значиться в списке выше. Во главу угла ставился стаж работы. Давали и служебное жильё — особо ценным и приглашённым специалистам, а также работавшим вахтенным методом с ООИ.

Но пока... Пока что я шёл длинным общежитским коридором — по обе стороны комнаты, комнаты — вдыхая особый специфический запах, слыша детские голоса из-за тонких незапертых дверей и уворачиваясь от несущейся по коридору гикающей кавалькады детей, игравших то ли в войнушку, то ли в салочки. Возле каждой двери санки, велики, тапки, коврики... Шёл и мурлыкал строки из «Баллады о детстве» Высоцкого: «Все жили скромно, вровень так, система коридорная — на тридцать восемь комнаток всего одна уборная...» Комнат на каждом этаже действительно было по 38, но уборных в разных концах коридора всё же две — мужская и женская.

О-хо-хо... Мужской туалет, что находился рядом с нашей комнатой, я, наверное, не смогу забыть никогда. Сперва мы с женой очень обрадовались — почти торцевая комната, которую нам дали, не имела соседей за стенками — с одной стороны запасная, мало используемая лестница, с другой — кухня, место общения нашей «махалли». Да и мне до туалета — один шаг. Но! Похоже, оставили-таки «зеки» свой «сюрприз» в канализационном сливе туалетного стояка. Правда, выяснить это точно не удалось, разбирать трубы никто не решался. Время от времени, в моменты пиковых нагрузок на канализацию, раздавалось зловещее громкое бульканье — и сточные воды через один из унитазов начинали «идти горлом». Пол коридора имел незаметный уклон в сторону нашей комнаты, поэтому всё «добро» через некоторое время оказывалось у нас под дверями.

Днём и вечером ещё удавалось отслеживать ситуацию — тогда кто-то из нас сразу же нёсся за сантехником. Но, бывало, поутру тапочки, оставленные в коридоре, плавали, даже разок просочилось через порог в комнату. Вскоре сантехник показал мне, где прячет мощный трос для прочистки стоков, и я, дабы не тратить драгоценное время на поиски этого «специалиста», героически «ложился на амбразуру» сам по локоть в...

Потопы всё не прекращались, пришлось освоить некоторые навыки сантехника в совершенстве. Месяца через два я решил подойти к вопросу системно: притащил деревянный брусок и намертво приспособил его к порогу туалета, да ещё эпоксидной смолой всё заделал. Помнится, немного заикавшийся сосед с другого конца этажа как-то спрашивает: «Это т-ты порог в туалете п-приколотил?» Отвечаю, да, мол, я, а что? «Да я вчера н-ночью в п-полусне на автопилоте п-пошёл, н-ноги с-сами дорогу знают. А т-тут — б-бах! Я ч-чуть б-башку об стенку не р-разбил! Молодец, к-качественно с-сделал!» Похвала, конечно, была лестна, но мне показалось, что после этого он ещё с месяц заикался больше обычного.

* * *

По мере развития общего благоустройства посёлка пропасть между Кольцовом и Академом уже не казалась столь зияющей. Потихоньку стал формироваться местечковый патриотизм, особое кольцовское самосознание. Почти все были знакомы между собой, работали в одном месте, вокруг всё довольно прилично, преступность почти нулевая, не было алкашей, тунеядцев, бомжей. Я шёл по посёлку, постоянно кого-то приветствуя. Типичный моногородок.

Однажды, когда я уже съехал с АБК и жил в самом Кольцово, приехал студенческий друг, не знавший моего адреса. Спросил у первого встречного, где я живу. Тот ответил, точно-де не знаю, но «во-о-он, в том районе». Второй встречный показал дом, а третий назвал квартиру. Поиск занял пять минут. Правда, некоторые знакомые признавались, что им не хватает анонимности большого города, ибо все всё друг про друга знают, сплетничают, перемывают кости.

Несколько раз я в образе Деда Мороза (без Снегурочки) поздравлял детей сотрудников своего отдела. Вспомнился забавный предновогодний случай. Меня в соответствующем облачении, взятом напрокат в профкоме «Вектора», с подарочным мешком возил по адресам на «Жигулях» коллега по отделу Миша Суслопаров. На одном повороте он не пропустил двух пацанов, и один из них в возмущении пнул машину. Миша, как заправский «борзый» автомобилист, остановился, вышел и развязно выдал: «Ну тебе, чё, по мозгам что ли врезать?!» Ребята оказались подшофе, тот, что пнул, заматерившись, чуть не кинулся на Мишу, второй был потрезвее и сдерживал драчуна. Я собирался уже выходить из автомобиля, но, увидев Деда Мороза, ребята угомонились. Обошлось.

Принцип жизни узбекской махалли регулярно использовался и в Кольцово, правда, директивно, когда нас, работников «Вектора», организованно дёрпали на очередной аврал. С другой стороны, я и сегодня с гордостью могу сказать: вот эту дорогу я строил, вот эти уже большие деревья я сажал, и крышу школы, в которой потом учились мои дети, я гудроном заливал! Про всеобщее участие в субботниках и воскресниках даже не упоминаю. Если кто-то, к несчастью, уходил в мир иной, мы сами выбирали место упокоения на лесном кладбище и, покурив и помянув усопшего, приступали к рытью могилы, сами же хоронили — ритуальной службы тогда ещё не было.

А как была насыщена культурно-спортивная жизнь в посёлке! Со временем дату образования поселкового совета стали праздновать как день рождения Кольцова, и чем дальше, тем пышней и массовой. На хорошем счету в районе были наши школы. В одной из временных деревянных построек открыли музыкальную школу, позже, после переезда «музыкалки», её использовали под церковь — мы крестили там своих детей. Работали кружки, пели хоры, танцевали ансамбли, у мальчишек пользовался популярностью КЮТ (Клуб юных техников).

На соревнования в День лыжника, проходившего под лозунгом «Сибиряк — значит лыжник!», выходил весь посёлок. Да и в обычный выходной погожий зимний денёк на лыжне в лесу было не протолкнуться. И ездить никуда не надо: оттолкнулся палками у подъезда — и ты в лесу. Позже стали прокладывать почти профессиональную лыжную трассу.

Но самым большим, без сомнения, был культ футбола! Развивались, конечно, и другие виды спорта, но футбол... Футбол был вне конкуренции. В Кольцове было аж четыре команды, принимавших участие в турнирах всевозможных рангов! Проводились и свои поселковые турниры: кубок «Золотая осень», регулярный чемпионат по зимнему мини-футболу. Я сам не один сезон играл вместе с будущим мэром за команду научных сотрудников «Биолог». Красникова, как и «звездившего» в 70-х годах нападающего сборной ФРГ Герда Мюллера, называли «человек-гол». А потом и подросток сынком бился за футбольную честь Кольцова в составе младшей сборной, не раз выходявшей на турниры областного уровня.

Эх, ещё бы прямое сообщение с Новосибиром наладить, да снабжение улучшить! Но «главного по торговле», уважаемого Сан Саныча, видимо, и так всё устраивало. К примеру, в посёлке вообще отсутствовал овощной магазин, приходилось возить фрукты-овощи из Академа. Впрочем, возможно, это было не в компетенции директора магазина, учитывая, что с продуктами в стране каждый год становилось всё хуже и хуже.

* * *

Запасы на зиму картофеля, моркови и квашеной капусты считались стратегическими, выручали и другие соленья-варенья, многие засаливали и сушили грибы, коих вокруг росло в изобилии. Заготавливали, энергично отмахиваясь от гнуса, молодой папоротник-орляк, облепиху, малину, лесную клубнику, калину, черёмуху. За ручьём Забобуриха простиралось огромное поле, возделанное под стихийные «дикие» огороды, воду для полива таскали из ручья на себе. «Приказано выжить!» Хорошо было тем, кто имел гараж с подземельем или, на худой конец, капитальный погреб с надстройкой. На обширном пространстве вокруг АБК, в лесу и на пустыре, во множестве прятались земляные погреба-кормильцы жителей общежитий.

Не забуду, как я в Академе купил центнер капусты, распихал её по холщовым мешкам и перевозил, заранее договорившись с водителем рейсового автобуса домой, на АБК. Потом по мешочку, мелкими перебежками перетаскивал до общежития. Приходя с работы, три вечера подряд не выпускал нож из рук, шинкуя драгоценный продукт. В холодильник всё добро, конечно, не влезало. Вынес с работы два больших плотных полипропиленовых крафт-мешка для утилизации спецотходов, и, расфасовав по маленьким мешочкам, всю сквашенную капусту поместил в них. Хранить это добро при комнатной температуре было делом бессмысленным — нужен холод. Вместе с супругой нашли место на большом козырьке над неиспользуемым подъездом общежития. Козырёк этот имел высокий декоративный фриз из гофрированного

железа, с улицы мешки не было видно, а со стороны окон общаги мы их замаскировали всякой хренью. Потом, поздними зимними вечерами, а то и ночью, прячась от чужих глаз, я приставлял табурет и через окно лестничного марша вылезал на козырёк. Отковырну пару мешочков — и назад. Хорошо, что до моего ноу-хау никто больше не додумался. Квашеной капустки хватило на всю зиму.

В те годы было распространено корпоративное картофелеводство. Почему «корпоративное»? Потому что всё организовывали предприятия, на которых трудились «картофелеводы». «Вектор» заключал договора с соседним совхозом, тот выделял землю, распахивал, боронил, иногда даже лушил. Затем институтские землемеры нарезали участки для каждого подразделения, далее шло распределение по сотрудникам. Централизованно выделялся транспорт для поездок на посадку, прополку и окучивание.

И вот осенний финал картофельного сезона: вереница грузовиков для вывоза урожая и автобусов с «векторовцами», вооружённых лопатами, вилами, вёдрами и мешками. Каждый метил свои мешки, чтоб не ошибиться при разборке. После дождей, в распутицу дополнительно выделялась «техпомощь» — мощный «Урал» для вытаскивания из грязи застрявшего транспорта. Так что зимовали все с картошкой! Однако перед закладкой на хранение клубни необходимо было подсушить, что в непогоду становилось проблемой. Дни копки назначались директивно, не глядя на небушко. Однажды кормилец сентябрь выдался очень дождливым, и драгоценные клубни пришлось буквально выковыривать из топкой грязи. В памяти постоянно всплывал «светлый образ» Павки Корчагина на строительстве легендарной узкоколейки. Я простыл, повредил руку. Сырые картофелины пришлось целую неделю сушить дома вентиляторами, иначе давшийся потом и кровью урожай попросту бы сгнил. А как после завершения героической картофельной «эпопеи» Светлана отдраивала квартиру, я лучше умолчу.

В те давние времена ежегодные «битвы за урожай» мы, «товарищи учёные, доценты с кандидатами» воспринимали как само собой разумеющиеся, то было естественно и логично. Видимо, и это было частью политики КПСС по воспитанию в советских людях стойкости и неприхотливости. Иногда даже казалось, что партия убеждена, что «нам хлеба не надо, работу давай!» Иначе не объяснить, почему развитие лёгкой и пищевой промышленности в стране шло по остаточному принципу, хотя у партии на руках имелись все козыри, ситуация в стране была под их полным контролем! Помню победные репортажи в СМИ по поводу успешного запуска отечественного многоразового космического челнока «Буран». Несомненно, то был значительный научный и технологический прорыв, но... почему-то микроскопический, никчёмный в масштабах страны вопросишко «где зимой хранить картошку?» меня волновал намного больше. И не только меня.

С началом перестройки экономические показатели страны медленно, но верно поползли вниз, жизнь стала меняться на выживание. Но партийные идеологи бодро и довольно убедительно объясняли и это. Общий лейтмотив партийной пропаганды был как в песне: «ещё немного, ещё чуть-чуть!»

А тут 70-летие Октября на носу, к которому, как и к каждому Его юбилею, полагалось подойти с новыми свершениями и победами. Но таковых не наблюдалось, хоть тресни, если не считать декларативное торжество новой политики «обновления социализма». Меня, кстати, всегда забавляло новомодное выражение: «социализм с человеческим лицом». А до того, интересно, чьё лицо было?

Старый идеологический аппарат страны со скрипом, по инерции, но ещё продолжал функционировать. Организационная структура — обком-райком-партком-комитет

комсомола — сохранялась неизменной, но в воздухе уже носилось стойкое неуловимое ощущение приближения чего-то нового, неизведанного. Уже всюду «пульсировала венами» песня Цоя «Мы ждём перемен» (интересно, как бы ныне Виктор Цой отнёсся к столь страстно желаемым им переменам, до которых, к сожалению, не дожился?). Уже народ напевал строки из «Песенки бюрократа»: «Мы не пашем, не сеем, не строим, / Мы гордимся общественным строем...» — фильм Рязанова «Забывтая мелодия для флейты», имевший оглушительный успех, вышел в том же юбилейном 87-м году и нанёс мощный идеологический удар по административно-командной системе страны. На телевидении один за другим стали выходить «полочные» (в смысле, не выпущенные после съёмок в прокат, положенные «на полку») фильмы: «Неизвестные штрихи к портрету Ленина», «Проверка на дорогах», «Охота на лис», «Покаяние» и другие. А новый, уже «перестроечный» фильм «Холодное лето 53-го года» и вовсе замахнулся на «устои». Большими тиражами начали печататься книги некогда опальных Солженицына, Пастернака, Платонова, Дудинцева, Войновича и других. Вспомнилось, как мы терпеливо ожидали своей очереди на прочтение романа Анатолия Рыбакова «Дети Арбата», опубликованного в «Новом мире» — я сидел над ним поздними вечерами после отбоя детей. Пристально следили за развитием событий вокруг вчерашнего диссидента академика Сахарова. А сколько было споров и жарких дискуссий на лестничной курилке этажа нашего институтского корпуса!

Уже состоялись алма-атинские события 86-го года, близились страшная резня в Сумгаите и Фергане, вскоре полыхнёт войной Нагорный Карабах, стали «показывать зубки» прибалтийские товарищи. Но то были ещё цветочки...

Понятно, что в таких условиях доносить до трудящихся набившую оскомину политику партии становилось всё труднее и труднее. Меня, вдобавок, назначили политинформатором отдела. Регулярно, в так называемый «единый политдень», мне предписывалось информировать коллектив, разъяснять в правильном русле текущий политический момент. Политинформация должна была длиться полтора часа — не меньше; соответственно и служебные автобусы с промзоны домой подавались позже на это же время — извольте слушать! Но лично меня хватало, максимум, минут на тридцать. На столько же, если не меньше, хватало и других политинформаторов — в результате, на проходных скапливались толпы сотрудников, жаждущих поскорей попасть домой, одни возбуждённые сотрудницы чего стоили: дома дети ждут! Но у прапоров был приказ: раньше времени никого не пущать! К их чести, они почти всегда приказ нарушали, понимая, что рабочий день, вообще-то, закончился. Но автобусов-то не было. Народ, проклиная единый политдень иже с ним политику партии, чёрным ручейком растягивался на несколько километров вдоль дороги по направлению к Кольцову и АБК. Хорошо, если погода позволяла.

Раз в месяц нас, пропагандистов, под бдительным приглядом приснопамятного Шуляка возили на ВАСХНИЛ слушать лекции на политическую злобу дня. Я не возражал: от работы на этот день освобождали, хоть какое-то разнообразие в жизни, к тому же там в буфете для нас часто «выкидывали дефицит». Да и некоторые лекции были очень интересными, особенно мне запомнились выступления новосибирского ученого-экономиста Рифата Гусейнова. Однако наблюдалась любопытная закономерность: чем интересней лекция — тем больше в ней крамолы. Я время от времени косил глазом на Шуляка — он всегда сидел с непроницаемым лицом.

Словом, идейность народа, и до того не особо крепкая, стала массово улетучиваться. Некоторое время я состоял в комитете комсомола. Признаюсь честно — исключительно для того, чтобы получить вожденную комнату в общежитии. Помню, секретарь бюро комсомола одного из корпусов Серёга Золотых однажды горько, но

искренне изрёк: «Ну, вот, спрашивается, какого... собрались? Может самораспустимся, и дело с концом?» Каждый в душе был с ним солидарен, но вслух согласиться и исполнить крамольное предложение духу не хватало.

Тонус «поддерживал» один только Шуляк, время от времени навещавший наши унылые заседания. Он эмоционально стыдил нас за безыдейность и безынициативность, но откуда же их взять, уважаемый экс-политрук армии, в нынешние-то времена? Мы безучастно внимали его речам, забавлялись только тем, что считали, сколько раз он скажет свою фирменную фразу-сорняк: «зн-зн-значит так, да». И чем больше он возбуждался, тем чаще её произносил. Получив комнату, я и вовсе устранился от работы в комитете комсомола. Время торжества единомыслия и комсомольского энтузиазма неумолимо подходило к концу. Система потихоньку сыпалась на всех уровнях.

Тем не менее, ещё устраивались показательные «карательные акции». Поначалу в одной комнате общежития со мной проживал Женя Борисов — выпускник Омского ветеринарного института. Он работал на нашем корпусе начальником цеха инкубации куриных эмбрионов (некоторые вирусы культивируются на них). Его подруга Валя Антонова была моей лаборанткой, она же мне эту историю рассказала (я в то время находился в длительной командировке). Женя был неплохим парнем, но каким-то «не таким» — скрытным, с ухмылочкой, себе на уме. Как-то он мне признался, что сам из семьи баптистов, имевшей восемь детей, он старший. Многие тогда прояснилось. Хотя никаких миссионерских проповедей он не вёл, лежал себе на койке да помалкивал. Стати, вот интересно, если режимному отделу не нравилась еврейская фамилия или национальность, то как выявлять «неправильную» религию? Ведь графа «вероисповедание» в анкетах отсутствовала — вроде как, конституцией гарантировалась свобода совести. Но не сомневаюсь: заяви Борисов о своей нетрадиционной религиозной «ориентации» — дорога на «Вектор» ему была бы заказана железно. Однако работником он был прилежным, ответственным, потому и попал в начальники, пусть и небольшие.

В цеху Женя был единственным, кто имел высшее образование, к тому же молодой мужчина, остальные женщины. Кому, как не ему, быть политинформатором? О чём он там «информировал» коллектив, я не слышал, но догадывался. Вскоре в комитет комсомола пришёл на него донос: человек, да ещё руководитель, несёт на политинформациях откровенную антисоветчину. Необходимо было разобраться. Может, и обошлось бы — дух перестройки, «плюрализм мнений», как-никак — но на заседание случайно занесло высокоидейного Шуляка, видимо на Борисова «накатили телегу» не только в комитет комсомола. Слово за слово — обычно спокойного, даже флегматичного Женю понесло. Но вот из уст Шуляка прозвучала какая-то цитата Ленина, на что его оппонент выдал почти апокалиптическое, на тот момент: «Читайте сами своего Ленина!» Стартовавшее в стране «обновление социализма» не предусматривало затрагивания основы основ, и «дедушку» Ленина пока не тревожили. До поры, до времени. А тут такое! Последним вопросом воинственного Шуляка был: «Зн-зн-значит так да, таково твоё жизненное кредо?» На что закусивший удила Женька не сдержался: «Война начнётся — в плен сдамся!» Обычно, со слов Вали, он так шутил. Понятно, что после такого диспут продолжаться дальше не мог.

Борисова пригласили на партком — да пожалуйста: он и так смутно догадывался, что на «Векторе» работать ему осталось недолго. Там он повторил своё выступление. На следующий день — приказ об увольнении и ещё через два дня, пока Женя передавал дела на службе да сворачивался в общаге — повестка из военкомата, благо у него оказался «белый билет» (медотвод). Он вернулся в Омск. Бедная Валечка была безутешна...

Почему роль «Зевса-громовержца» отводилась Шуляку, а не секретарю парткома Осинникову? Парторг всегда выглядел задумчивым и спокойным, не тот напор. Только глаза у него становились всё грустнее и грустнее по мере того, как, по Горбачёву, «Перестройка расправляла крылья».

Ближе к славному 70-летию Октября в библиотеке института на «двухсотом» корпусе появился массивный стенд. Вверху — большой портрет Горбачёва с каким-то его высказыванием насчёт величия грядущего юбилейного события, разумеется, с отражением судьбоносности взятого партией нового курса. А ниже шли портреты руководителей братских стран социалистического содружества размером поменьше, как и полагалось по рангу «младшим братьям». Рядом с их ликами — славословия по поводу значимости даты. В целом — почти копии друг друга, но чем дружественнее страна, тем больше возвышенных слов. Самые ласковые — от болгарского «слона», а также от монгольского и вьетнамского лидеров. Самое сдержанное, практически без патетики — от лидера СРР (Социалистической Республики Румыния) Николае Чаушеску, что неудивительно: критичные капризные румыны всегда держались особняком в нашем пёстром разношёрстном соцлагере. Почему я обратил на него внимание? Потому что «гений Карпат», как тогда величали главного румына на его родине, открыто не поддержал горбачёвскую Перестройку — отсюда и сухость его высказываний за юбилей. Кто б знал, что Чаушеску станет единственным из руководителей компартий братских стран социализма, кто лишится жизни при отстранении его от власти всего через каких-то два с небольшим года...

В общем, ни шатко, ни валко дело шло к знаменательной дате. Мы втайне надеялись на юбилейную праздничную «конфетку»: может что-то «выкинут» из дефицита или премией какой-нибудь угостят? А может и тем, и другим. В любом случае, будет несколько выходных дней.

И тут исчезает «главный по партии» Осинников...

* * *

«Всё! — точно щёлкнув бичом, выдала супруга. — Эту зиму, дорогой, мы должны быть с картошкой!» Я, конечно, и сам это понимал. Предыдущие две семейные (холостяцкая не в счёт!) зимовки мы как-то перебивались, но с учётом грядущего пополнения семьи, «второй хлеб» превращался в стратегический продукт. Тем более, на арендованном «Вектором» совхозном поле, у села Верхний Коён, наливались последними соками собственноручно посаженные и взращённые драгоценные клубни — стоял благодатный август-месяц, близилась ответственная «корпоративная» картофельная страда. Погреб был нужен позарез.

Обычно самодельные земляные погреба были двух видов. «Бутылочкой» — расширяющаяся книзу полость без перекрытий, как правило, на одного хозяина. И обычный, более капитальный, с накатным перекрытием из брёвен. «Бутылочный» строился за два-три дня, но был менее надёжным, поэтому я сразу решил на «накатный» вариант. Однако одному с брёвнами не справиться, требовался компаньон. И он нашёлся — Володя Фролов, сосед по этажу, у него было двое детей. Он сам мучился без овощехранилища, а возможностей и средств на строительство капитального погреба с надстройкой у него, как и у меня, тогда ещё не было. К тому же, погребной кооператив «Спир...», пардон, «Репка» находился в Кольцово, а погреб был желателен поблизости от общаги. В последний момент изъявил желание присоединиться к нам ещё один сосед по общежитию — Серёга Быков: у него тоже скоро ожидалось

пополнение семьи — второй ребёнок. Мы с Володей не возражали: трое — это уже «партячейка». Серёга работал в механическом цехе и обещал сварганить творило (крышку погребка). Словом, кадром он оказался ценным, тем более, вырос в деревне и в процессе строительства дал много ценных советов. Вперёд!

Сперва исследовали места скопления самодельных погребов вокруг АБК — они маячили приоткрытыми творилами: народ в августе подсушивал овощехранилища перед их загрузкой. Погребка находились в лесу, в стороне овражного склона к ручью Забобуриха за водонасосной станцией (в обиходе «ВНС-кой»), и на пустыре перед ограждением со стороны больницы. Решили остановиться на лесном варианте месторасположения, к тому же гнус в августе уже особо не донимал. За работу!

Стояли погожие деньки, но нужно было торопиться. В три пары молодых сильных рук глубокою яму с уступами для укладки брёвен перекрытия вдоль вертикальных откосов, вырыли быстро. Работа спорилась, никто не отлынивал, мы были довольны друг другом. Порыскали по лесу в поиске недавно упавших сосен для перекрытия (берёза не годилась: ствол кривой, гниёт быстро), распилили найденную по размеру ямы, притащили к погребу. Попутно ночью, при луне, завалили и распилили одиноко торчавший столб, проводов на нём не было. Просмолённый, идеально ровный и круглый — настоящая удачная находка. Серёга, как и обещал, изготовил творило, даже сварил дополнительное решётчатое для безопасности: снаружи с творила замок можно сбить хорошим ударом, но попробуй размахнись, находясь внутри лаза. Лаз в погреб, обшив его досками, выкопали по науке — чуть сбоку, с торца. Установили внизу вертикальные подпорки для поддержания наката, уложили на уступы брёвна перекрытий, закрыв их рубероидом, скототили лестницу. Засыпали и разровняли землю, не забыли и про вытяжную трубу с колпаком от дождя. Внутри погребка, при свете свечей, разгородили досками три сектора, затем укрепили, приколотив к подпоркам с одной стороны и чуть врыв в склон с другой, полочки для банок. Всё! Неделя работы — и принимай, жена, наш трудовой подарок!

Мы были довольны и горды собою — хоть методичку по «погребному строительству» садись пиши. За бесперебойное снабжение семей корнеплодами теперь можно было не беспокоиться. Правда, одной из постоянных тем обсуждения в процессе работы была: «Куда же всё-таки делся Осинников?» Это несколько омрачало чувство удовлетворения от проделанной работы. Да и весь коллектив «Вектора» был взбудоражен: уже прошло несколько дней с момента внезапного таинственного исчезновения парторга, члены его семьи тоже ничего не знали.

Пошли дожди, мы радовались: успели! Но вот приходит как-то озадаченный Серёга: «Мужики, похоже, мы поставили погреб в водосточной ложбинке: одна стенка сочится...» Глянули втрём: м-да, с такой влажностью урожай попросту сгниёт. Да что там урожай: достаточно хорошего ливня, и могло повести всю конструкцию... Ё-моё, без сомнения, нужно рыть новый погреб. Не беда, яму выкопаем, а всё остальное в наличии уже имеется. Вперёд!

Решили копать рядом с высоким, из бетонных плит с «колючкой» поверху, забором ВНС-ки. Только вынули земли на глубину двух штыков лопаты, как проходивший мимо мужик образумил: «Ребят, вы что? Подкоп к ВНС-ке делаете? Первый же обход ментов — и привет! Водо-насосная станция — это же режимный объект!» Нас огоршило: вот недотёпы-то! Спасибо тебе, мужик!

Пошли на пустырь со стороны ограждения больницы, там маленькими холмиками виднелись погребка — лучше, из соображений безопасности, всё-таки держаться других. Пустырь на небольшом возвышении, никаких водостоков там не должно быть

в принципе. Выбрали место недалеко от одного из погребов, но только начали копать, приходит один из хозяев: «Мужики, завязывайте с работой!» Вот блин! Сейчас-то что не так? Он рассказал, что погреба здесь появились ещё до того, как поставили забор. Отвечаем: «Ну и что? Забор чисто условный, с редкими прутьями — так, чтоб скот не ходил, да и до больницы достаточно далеко!» — «А то, — говорит, — у меня знакомый геодезист проектировал этот забор. Он и сказал, что по плану забор пойдёт прямо по вашим погребам! Мы с соседом чуть ли не в ножки ему бухнулись: будь другом, перенеси хоть метра на полтора в сторону! Ладно, говорит, попробую, но смотрите, чтоб больше здесь других погребов не было! Добро, говорим, мы старожилов знаем, больше никого не пустим. Так что уходите, мужики, по-хорошему, не подставляйте нас!» Пришлось, глубоко вздохнув, и оттуда уйти.

Выбрали одинокое место на границе леса и пустыря под берёзами, от проходной ВНС-ки метров сто. Вновь довольно шустро, чуть книзу на конус, выкопали яму, с уступами и местом для будущего лаза. На этот раз решили дожидаться дождя, чтоб изучить его последствия и только после этого разобрать первый неудачный погреб. Результаты «эксперимента» с дождём удовлетворили: стенки погреба, быстро высохнув, не сочились.

Пока работали, изучили график посещений ВНС-ки милицейским патрулём. Решили, что и это неплохо, глядишь, никто не осмелится «бомбить» наш погреб. За виде патрульную машину, мы приостанавливали работу, дожидаясь пока она заедет на территорию водо-насосной станции.

Как-то, взяв отгул, я решил немного поковыряться на погребке. Пригревало мягкое августовское солнышко, ни ветерка, я, о чем-то задумавшись, увлёкся работой. Вдруг сзади дипломатичное покашливание, обернулся — передо мной стоял незнакомый мент: «Погреб роем?» Какой тут придумаешь ответ с лопатой-то в руках? «Роем...» — отвечаю. «Пойдёмте, проедем с нами!» Я тихо матюкнулся и, присыпав лопату землёй, направился с офицером к патрульному «уазику».

Меня привезли в наш поселковый отдел милиции, провели в какую-то комнату, дали бумагу и ручку для написания объяснительной. Моё «преступление» квалифицировалось статьёй «Незаконное строительство», согласно Административному кодексу РСФСР, предусматривавшему наложение штрафа до 50 рублей и ликвидацию самого объекта незаконного строительства. Объяснительная вместе с протоколом правонарушения отправлялись на административную комиссию поселкового совета для окончательного вынесения решения и определения суммы штрафа. Не сказать, что сильно, но попал. Тьфу ты!

Административная комиссия должна состояться через две недели, я в чём-то расписался, получил на руки предписание явиться туда-то, тогда-то, во столько-то и, страшно матерясь про себя, вышел, чуть не бабахнув дверью кабинета.

На невесёлом «консилиуме» мы втрём «слушали и постановили»: погреб достроить. Близилась осень, скоро копка картофеля, на рытьё третьего погреба ни времени, ни сил не осталось. Да и моей супруге уже вот-вот в роддом отправляться, о другом думать надо. Достраивали в тёмное время суток, чтоб горящие фары машины издали были видны. Но радости и облегчения от завершения погребной эпопеи уже не ощущалось. В любой момент та же комиссия могла проверить предписание насчёт ликвидации «объекта незаконного строительства». Володю с Серёгой я, естественно, не сдал, а сам решил прикинуться «шлангом»: скажу, мол, что яму, как и обещал, забросал, а уж кто опять вынул мягкую податливую землю и достроил погреб — знать не знаю, ведать не ведаю. Пошли они...

И тут... отыскивается секретарь парткома Осинников...

В первый осенний день у меня родился сынок! Вроде бы, всё обещало вторую дочку, но я не стал торопиться покупать розовые пелёнки и ленточки. Коляска нейтрального зелёного цвета осталась от дочки, которой тогда «стукнуло» уже год и восемь месяцев. На помощь приехала моя мама, она помогала жене, пока я копал, сушил и спускал в многострадальный погреб картошку, у кого-то из деревенских закупили оптом морковь.

Сына назвали Ярославом. Семья в полном составе, все здоровы, запасы на зиму есть. Вот только административная комиссия близилась, чтоб ей...

Тем временем, события вокруг партийного босса «Вектора» развивались стремительно и, к большому сожалению, трагически. Выяснилось, что всё это время он инкогнито «зависал» на даче какого-то своего товарища, квасил. Скандал! Да ещё в преддверии славного юбилея Октября! Вердикт заседания первичной партийной организации, а затем выездного заседания райкома был ожидаем: «За нарушение трудовой и партийной дисциплины, поведение, несовместимое с занимаемой должностью, товарища Осинникова от поста секретаря партийной организации НПО „Вектор“ освободить». Партбилет, по-моему, решено было не отбирать. Но далее произошло чудовищное: на следующий день после заседания экс-секретарь парткома удавился в своём бывшем кабинете, царство ему небесное...

Это было шоком для всех. Если первая часть — сорвало «крышу», забухал, с кем не бывает (коммунист — не коммунист, не важно) — казалась понятной и вполне объяснимой, то вторая не лезла ни в какие ворота. Причём объяснить произошедшее личной слабостью человека, а не искать какие-то глубинные причины его поступков, для парткома было принципиально важно. Оставил ли Осинников предсмертную записку, изливал ли кому-то душу накануне самоубийства, я не знаю. Большинство народа, насколько мне помнится, удовлетворилось банальной бытовой версией.

И только совсем недавно моя мудрая супруга сказала: «Осинников был искренним человеком, он, похоже, видел, как начала рушиться система, частью которой сам являлся, предчувствовал, чем всё закончится, причём довольно скоро. А тут ритуальный шабаш вокруг грядущего юбилея Октября, пир во время чумы, лишь усугубил дело — наверняка ему пачками сыпались всякие инструкции, предписания, постановления по этому поводу. Ведь никто не знал, что у него творилось на душе. Вот и не выдержал человек...»

И мне почему-то сразу вспомнился несчастный Николае Чаушеску, их парадоксальная с Осинниковым параллель судеб. Судите сами: и тот, и другой были руководителями партийных организаций: один — большого объединения, другой — довольно большой страны. И тот, и другой стали косвенными жертвами горбачёвской Перестройки. Только один добровольно ушёл из жизни, а другой, рангом повыше, через два с небольшим года вёл себя перед смертью по-мужски. Помню, как все мы были шокированы телевизионными кадрами расстрела румынского лидера, до последней секунды сжимавшего руку своей верной супруги, принявшей смерть вместе с ним. Говорят, даже пел «Интернационал».

И вот, день проведения административной комиссии настал.

Перед этим я отнёс временные документы в поссовет для оформления свидетельства о рождении сына. Созвонившись (на первом этаже общаги висел таксофон общего пользования), договорился прийти получить документ в тот же день, на который была назначена административная комиссия — чего два раза в Кольцово таскаться?

Пришёл уже перед самым закрытием — секретарша торопилась закончить дела до начала комиссии. Тем не менее, мне пожали руку, сказали массу приятных слов, вручили свидетельство, красную гвоздичку и красивую открытку, где среди слов поздравлений и пожеланий выделялась фраза: «радуемся вместе с Вами!». В кабинете находились другие сотрудники, они тоже радостно улыбались. Я поблагодарил, вышел и уселся на стул в холле поссовета.

Администратор, запирая дверь кабинета, поинтересовалась:

— Вы кого-то ждёте?

— Нет, — отвечаю, — я на административную комиссию.

Она скрылась за дверью приёмной, где обычно проходили заседания поссовета. Один за другим подходили члены административной комиссии, почти со всеми я здоровался.

Мой вопрос рассматривался первым. Пригласила войти та же сотрудница администрации, которая только что «радовалась вместе со мной», вручая свидетельство о рождении. Назвав моё имя, она чуть заметно осеклась, выражение лица выразило некоторую озабоченность.

— Ну, здравствуйте ещё раз! — я широко улыбнулся и сел на стул у торца длинного стола, за которым сидели сотрудники администрации поселкового совета, представители парткома, профкома, совета ветеранов, чего-то ещё. Присутствовал и офицер милиции, но не тот, что меня замёл. Почти со всеми я был знаком, если не очно, то заочно. Идеальный Шуляк, слава богу, отсутствовал.

Зачитали информацию о «составе преступления», кто я, что я. Все молчали. Я закинул ногу на ногу и стал чуть прихлопывать свидетельством и поздравительной открыткой по ладони. Гвоздика лежала на коленях. Пауза затягивалась.

Я начал первым:

— Ну что сказать? Семья, знаете ли, растёт, надо чем-то кормить. Картошку вот выкопал, а хранить негде. Начал рыть погреб, не повезло, застукали. Место выбрал на отшибе в лесу, у оврага, рядом несанкционированная свалка. Деревья не валил. Ущерб государству, конечно, «нанесён» колоссальный.

— Ну-у-у, молодой человек, Вы же, м-м-м, зна-а-а-ете... — неуверенно заговорил кто-то из комиссии.

Я перебил.

— Я знаю, что вы «радуетесь вместе со мной» по поводу рождения сына. — И поднял руку, демонстрируя свидетельство и открытку. — Есть, кстати, ещё дочка, почти два года. Живём четвером на восемнадцати метрах в общежитии на АБК. Сколько там детей! Но даже плохонького буфета нет, за молоком, за хлебом в Кольцово мотаться приходится. И я не стал бы рыть погреб, если бы имел возможность купить картошку и морковку в магазине. Пока в Академ туда-сюда обернёшься — уже стоимость почти четверти ведра картошки прокатаешь. Или уважаемая комиссия про это не знает?

В то время тариф городского автобуса составлял 6 копеек, тогда как тариф 119-го маршрута Кольцово — Академгородок, считавшегося загородным, — 24 копейки.

— Молодой человек, — попытался продолжить представитель комиссии, — мы всё это прекрасно знаем, но...

Я вновь перебил.

— Знаете-знаете... Если вы «радуетесь вместе со мной», что сынок родился, то уж порадуйтесь, тоже вместе со мной, когда мои детишки картофельное пюре будут кушать.

— Не перебивайте, молодой человек! Вы могли бы построить погреб в «Репке» или договориться с кем-нибудь о хранении.

Я тяжело вздохнул.

— Понятно, значит, всё-таки не «радуетесь вместе со мной». Что ж, печально... Ну не удалось мне ни с кем договориться, а строить капитальный погреб наметил на следующий год. Может быть, кто-то из вас мою картошку приютит? Нет? Между прочим, рождение ещё одного строителя коммунизма — это наш с женой подарок к юбилею Великого Октября!

Все молчали. Я, взяв паузу, вновь обвёл присутствовавших тяжёлым взглядом.

— Подскажите мне, пожалуйста, где зимой хранить картошку?

В ответ — тишина. И не просто тишина — удручённое, гнетущее безмолвие. Даже поднять глаза на меня никто не осмеливался, настолько я убедителен в незамысловатой житейской правоте поставленного ребром вопроса.

Первым очнулся блюститель порядка.

— Молодой человек, не уводите разговор в сторону! — отчеканил он поставленным милицейским голосом. — Вы совершили противоправное деяние, за которое полагается административная ответственность! Вы это понимаете?

— Понимаю. — Мне стал надоедать весь этот разговор.

Ой, как сразу посветлели лица членов административной комиссии, все как-то ожили, зашевелились. Ещё бы, как говорили артисты Карцев и Ильченко в популярной в те годы юмореске, «товарищ понима-а-ает». Это уже немало.

И тут я вспомнил, что ни в моей объяснительной, ни в милицеском протоколе не отражена степень готовности «объекта незаконного строительства», сказано абстрактно: «погреб». И решил на хитрый ход.

— Да и о погребе, — говорю, — как таковым речи идти не может: ну вынул грунта штыка на два лопаты, делов-то!

Милиционер подвёл черту под вопросом:

— Предлагаю, на первый раз, товарища предупредить. Яму закопать.

— Не вопрос. Сделаем. Спасибо! — ответил я. — До свидания!

И, размахивая гвоздичкой, отправился восвояси. Почему-то в меня вселилась уверенность, что никто к этому вопросу уже больше не вернётся, проверять погреб тоже никто не явится. Так и случилось.

А через месяц... Через месяц в нашей общаге открылся буфет, там можно было купить хлеб, разливное молоко, крупы, макаронные изделия, моющие средства, сахар, печенье, карамельки и прочее — многое из того, что через каких-то три года, в 1990-м, будет отпущаться уже не по талонам, а по карточкам. Я сохранил для истории взрослую и детскую карточки, они были разного цвета. Помню, какой драгоценностью воспринималась единственная нормировано отпущенная бутылка шампанского! Мы берегли её как зеницу ока, открыв под бой курантов на новый 1991 год — последний год существования Советского Союза, КПСС и правления «Горби» (так на Западе звали Горбачёва).

Но пока мы радовались, что молоко и хлеб продавались под боком. Не настаиваю на том, что появление буфета на АБК стало результатом моего пламенного выступления на административной комиссии. Но всё же. Это и была та самая праздничная «конфетка» к юбилею Великого Октября. Слава КПСС!

Погребом я пользовался целых три года. Первым на следующий год ушёл Серёга — построился в «Репке», за ним ещё через год — Володя Фролов (он сейчас с семьёй проживает в Штатах). Я остался единоличным хозяином нашего земляного овощехранилища. Урожай, кстати, сохранялся очень хорошо — построили на совесть.

Через год на поверхности погреба зазеленела травка, проклюнулись цветы. Приходя за провиантом, я любил немного посидеть перед ним на пенёчке и под шелест

берёз послушать весёлое пение лесных птичек. А зимой, откопав в снегу творило, отогрев дыханием замки и спустившись вниз, представлял себя медведем в берлоге. Потом, переехав в Кольцово в квартиру на подселении, наконец-то приобрёл капитальный погреб в «Репке». А свой земляной продал другому обитателю общаги на АБК за символические уже к этому времени сто рублей.

* * *

Вот, собственно, и вся история...

Много лет внутри меня противной занозой сидит вопрос: а возможно ли было в нашей стране модернизировать и в целом сохранить существовавшую государственную систему без разрушения её основ? И почему этого не произошло, ведь успешные примеры Китая или Вьетнама доказывают, что это вполне реально? Изначально Перестройка и Ускорение, при помощи Гласности, как раз и замышлялись как «капитальный ремонт» системы, недаром первыми горбачевскими лозунгами были «Перестройке — идеологию обновления!» и «Перестройка — продолжение революционного дела Октября!» И первое время советский народ с воодушевлением и даже энтузиазмом откликнулся на эти призывы, приветствуя доселе непривычные инициативы и начинания Михаила Сергеевича, даже борьбу с бичом России — пьянством — поддерживал.

Но потом, и довольно скоро, стал более популярным другой лозунг: «По России мчится „тройка“: Мишка, Райка, Перестройка!» (Раиса Максимовна — супруга и, по совместительству, неустанный наушник-советчик главы государства, царство ей небесное). Потихоньку незаметно нивелировалось «Ускорение», а «Гласность» превратилась в анекдот: «Как тебе, Шарик, живётся при Перестройке?» — «Как? Цепочку ещё больше укоротили, миску с едой ещё дальше отодвинули, зато гавкай, сколько влезет!» Вскоре и «обновление социализма» завело политику совсем не туда, став причиной глобальной перестройки (уже без кавычек) всего общественного строя и разрушения прежней государственной идеологии КПСС. Всё. Потенциал для самосовершенствования системы, словно пар в гудок паровоза, ушёл в никуда. История судорожно перелистывала последние странички эпохи социализма. Неумолимо близились пресловутые «лихие девяностые».

Одна из причин неуспеха, которая видится мне со своей «колокольни»: просто в Китае пришёл к власти мудрый и целеустремлённый Дэн Сяо Пин, а у нас — неразумный, непоследовательный и говорливый, первый и последний «президент СССР» Михаил Горбачев, который под овации Запада, подвёл к разрушению свою страну. До сих пор, честно говоря, меня трясёт от одного его голоса с южнорусским акцентом и неправильными ударениями в словах — это ведь тоже своего рода дар: сказать много и в то же время ничего, абсолютно ничего.

А с самого конца 80-х — начала 90-х годов залихорадило и родной «Вектор»: финансирование научных тем стало стремительно сокращаться, народ потянуло в стороны — кто-то слинял за рубеж, кто-то просто уволился. Численность работников НПО за несколько лет сократилась вдвое. Строительство посёлка и новых корпусов на промзоне замерло, стали пустеть и некоторые сооружения на АБК. Дом культуры, некогда озарённый выступлением «Наутилуса», гулкий и заброшенный, долгое время пугал, зияя пустыми глазницами оконных проёмов.

И если родная «Кольцовочка», со временем, особенно после получения в 2003 году федерального статуса наукограда (первого за Уралом), воспряла и теперь почти ни в чем не уступает Академгородку, а здание бывшего многострадального ДК выкупила

и отстранила для своих нужд фармацевтическая фирма «Агроресурсы», то бесхозные разрушающиеся недостроенные корпуса так и торчат сиротливо на промзоне. Хотя «Вектор», к счастью, выжил и даже ожил, получил статус Государственного научного центра и Сотрудничающего центра ВОЗ, спасая ныне Россию и мир от коронавирусного «нашествия». Однако прежней численности «личного состава» сотрудников так и не восстановил. Я и сам более двадцати пяти лет там не работаю, но это уже совсем другая история.

Изредка меня тянет к развалинам «исторического» лесного погребца — символа того времени. Прокручиваю в памяти разноликую пёструю цепочку событий: Кольцово — Перестройка — общага — 70-летие Октября — погреб — административная комиссия — партком — Осинников — буфет на АБК. Не так давно отметили уже 100-летний юбилей Октября, а уж величать его «великим» или нет, каждый решает сам. Сын мой, несостоявшийся «строитель коммунизма», давно вырос и воспринимает рассказ про погреб, как древнее историческое предание.

С грустной улыбкой я созерцаю руины творения рук своих: брёвна перекрытий подгнили, земля обвалилась. На месте пока ещё угадывающегося в траве бывшего погребца-кормильца сейчас возвышается роскошный муравейник, что я расцениваю весьма символичным и знаковым. Кто-то хозяйственный вытащил вытяжную трубу и снял творила — ради Бога, пусть пользуется на здоровье. И всё также приезжает к проходной водонасосной станции дежурный милицейский, пардон, полицейский, «уазик», а на берёзках незатейливо насвистывают лесные птички...

* * *

Редакция литературного журнала «Аргамак. Татарстан» выражает искренние соболезнования Петру Юрьевичу Муратову в связи с кончиной его отца Юрия Петровича, последовавшей на 84 году жизни после ковида.

Муратов Юрий Петрович — ветеран труда РФ, почётный ветеран казанского завода «Радиоприбор». В 1990 году был избран депутатом Верховного Совета Татарстана первого созыва, активно участвовал в разработке Конституции нашей республики. Был отмечен Почётной грамотой Президента РФ. Награждён медалями «Ветеран труда» и «В честь 1000-летия Казани». Светлая память Человеку и Гражданину!